

107967

448⁴/₉₀

1901

788

ИЗЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ
А. С. ПУШКИНА.

РЪЧЬ

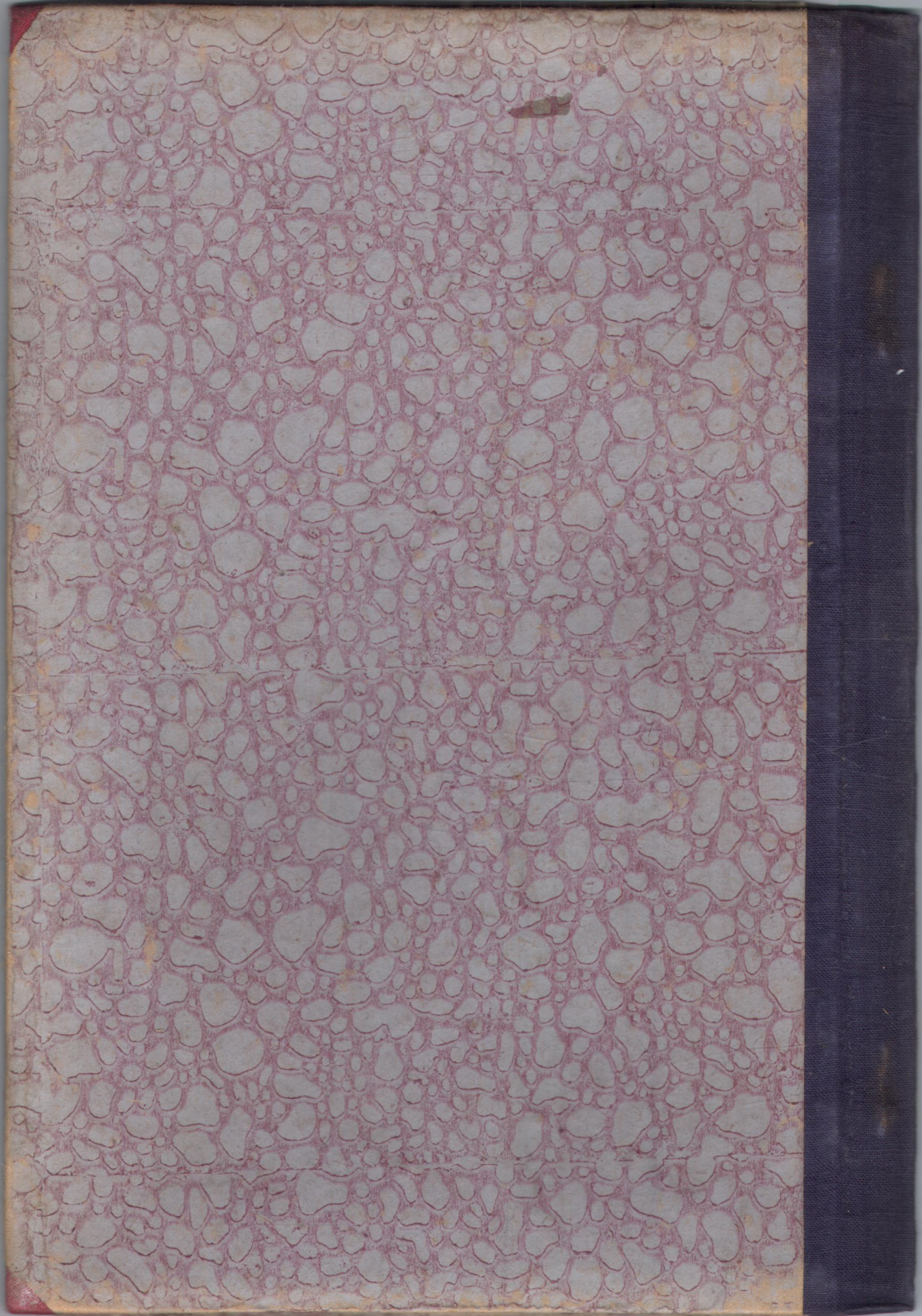
Н. А. ЛАВРОВСКАГО

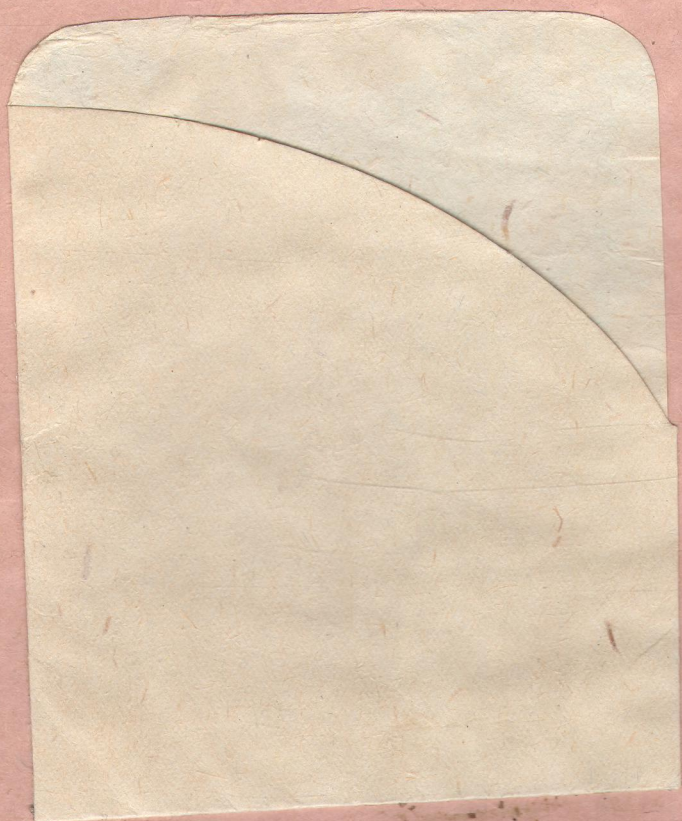
НА АКТЬ Императорскаго Варшавскаго Универси-
тета 1-го февраля, посвященномъ памяти А. С.
Пушкина.

ВАРШАВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1887.

448 $\frac{4}{99}$

1401
788

ИЗЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

А. С. ПУШКИНА.

107967

РЪЧЬ

Н. А. ЛАВРОВСКАГО

НА АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИ-
ТЕТА 1-ГО ФЕВРАЛЯ, ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ А. С.
ПУШКИНА.

482

Центральна Наукова
БИБЛИОТЕКА при ХД
Инд. №

ПРОВЕРЕНО
ДНБ 1945

ВАРШАВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1887.

Проверено
58 1939

Дозволено Цензурою.

Варшава, 13 февраля 1887 г.

Императорскій варшавскій университетъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, считаетъ своимъ долгомъ почтить скромными поминками преждевременную кончину нашего великаго поэта, А. С. Пушкина, послѣ совершившейся пятидесятилѣтней ея годовщины. Я назвалъ наши поминки скромными, переносясь мысленно въ Москву, куда, слишкомъ шесть лѣтъ тому назадъ, собралась вся мыслящая Россія на торжественное чествованіе поэта, при открытіи ему памятника, и гдѣ цѣлымъ хоромъ лучшихъ русскихъ людей засвидѣтельствованы его великія заслуги русской землѣ, оправдывающія сооруженіе памятника. Эготъ памятникъ—только воспроизведеніе въ иной, вещественной формѣ того верукотворнаго памятника, который воздвигъ себѣ поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, составляющихъ нашу народную гордость. Къ нимъ, къ обоимъ этимъ памятникамъ, по словамъ самого поэта, „не заростетъ народная тропа“, къ нимъ будетъ обращаться вся русская земля, „всякъ еущій въ ней языкъ“, и изъ нихъ будетъ почерпнать себѣ силу, бодрость духа, одушевленіе, въ ру въ свое будущее, въ свое призваніе.

Та же цѣль собрала и насъ на эти поминки—предложить и выслушать воспоминанія о поэтѣ, воспроизвести хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ

его образъ, жизнь и дѣятельность. Кто дорожитъ своимъ прошедшимъ, кто вѣритъ въ свое будущее, тотъ чтитъ своихъ великихъ людей, имена которыхъ написаны на народномъ знамени, и собранія, въ которыхъ воспроизводятся ихъ образы, имѣютъ великое нравственное значеніе. Великій поэтъ, какимъ былъ Пушкинъ, тѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ людей, что взглядъ его на жизнь шире, глубже и полнѣе, что сила, свѣжесть и глубина его представленій съ необходимостію вызываютъ его творчество, которое въ свою очередь, съ тою же силою и глубиною отражая идеи, интересы и потребности жизни, расширяютъ и уясняютъ современное сознаніе и тѣмъ подвигаютъ его по пути къ дальнѣйшему развитію. Великій поэтъ обладаетъ ясновидѣніемъ, глубокимъ прозрѣніемъ въ жизнь, а слѣдовательно и могущественною образовательною силою; въ этомъ смыслѣ онъ есть носитель идей современнаго человѣчества и воспитатель его въ высочайшемъ значеніи этого слова.

Своей славой, неоцѣнимыми заслугами своей странѣ, благодарной памятью въ отдаленномъ потомствѣ Пушкинъ обязанъ прежде всего своей богато одаренной природѣ, а затѣмъ непрерывному труду, неустанной работѣ надъ самимъ собой въ смыслѣ самообразованія, и менѣе всего семьѣ и школѣ. На эти послѣднія я желалъ бы обратить ваше вниманіе, въ убѣжденіи, что наблюденіе надъ зарожденіемъ и первоначальнымъ развитіемъ великаго дарованія, надъ процессомъ, какимъ образуется и складывается оно для послѣдующей производительной дѣятельности, представляетъ высокій интересъ.

Извѣстно, что ни въ семьѣ, ни въ школѣ, не было благопріятныхъ условій для правильнаго развитія дарованія Пушкина. Отецъ его, Сергій Льво-

вичъ, вовсе не украшенный семейными добродѣтелями, съ легкимъ французскимъ образованіемъ, усердный устроитель праздниковъ, игръ, домашнихъ театровъ, преданный свѣтскимъ развлечениямъ, не былъ способенъ ни понять дарованія своего сына, ни направить его образованіе. Тою же страстью къ суетѣ и шуму свѣтской жизни отличалась и мать его, Надежда Осиповна, женщина умная, энергическая и вспыльчивая, какъ и слѣдовало быть внучкѣ Арапа Петра Великаго. Хозяйство шло безпорядочно, дѣти сданы на руки гувернерамъ-французамъ, и, конечно, всѣ эти Монфоры, Русло, Шедели, съ гувернантками нѣмкой и англичанкой, въ свою очередь не были способны замѣнить собой родителей. Въ довершеніе всего, Пушкинъ не былъ любимымъ сыномъ, такъ что ему пришлось испытать на себѣ и этотъ тяжкій воспитательный грѣхъ. Предпочтеніе родителями однихъ дѣтей другимъ, любовь къ однимъ и нелюбовь къ другимъ, противорѣча самымъ основнымъ правиламъ педагогики, порождаютъ въ нелюбимыхъ дѣтяхъ зависть, озлобленіе, ожесточеніе, заставляютъ скрывать эти чувства и тѣмъ въ свою очередь порождаютъ скрытность, подозрительность и лицемеріе. Этимъ положеніемъ въ семействѣ объясняется многое въ послѣдующей жизни Пушкина.

Первоначальное обученіе на французскомъ языкѣ у тѣхъ же гувернеровъ шло вяло, плохо, не возбуждая любознательности. Пушкинъ отдѣлывался отъ выговоровъ залѣзностью слезами, ариѳметика ему не давалась, нѣмецкому языку совсѣмъ не учился, такъ что и здѣсь не приходится искать объясненія его послѣдующему развитію: неповоротливый, толстый, молчаливый, лѣнивый, онъ до девяти лѣтъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ дарованія и приводилъ въ отчаяніе свою мать. Последняя чер-

та—тугое, медленное развитіе и затѣмъ, какъ бы въ возмѣщеніе потеряннаго времени, необыкновенно быстрое—нерѣдко встрѣчается въ біографіяхъ великихъ людей; она, между прочимъ, можетъ служить оправданіемъ реального значенія той же черты у сказочныхъ героевъ и нашего былевого богатыря-сидя.

Эти извѣстныя неблагопріятныя для развитія Пушкина условія семейной среды недавно нашли себѣ подтвержденіе въ официальномъ документѣ, скрѣпленномъ Высочайшею подписью Императора Александра Павловича, отъ 4 мая 1820 года. Документъ этотъ—письмо министра иностранныхъ дѣлъ Нессельроде къ главному попечителю колонистовъ южнаго края, Ивану Никитичу Иззову, подъ наблюденіе и попеченіе котораго Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга. „Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, сказано въ этомъ письмѣ, молодой человѣкъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣній. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство — страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ геніальность необыкновенную. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взора наставниковъ“ (Русск. Стар. Январь 1887 г. стр. 241). Впрочемъ и самъ Пушкинъ неоднократно высказывался въ томъ же смыслѣ о своемъ первоначальномъ воспитаніи. Въ бумагахъ его сохранилась записка съ самымъ краткимъ планомъ задуманной имъ уже въ пору литературной славы автобіографіи. Въ ней, между прочимъ, замѣчено: „первыя непріятности, гувернантки. Рожденіе Льва. Непріятныя воспоминанія. Смерть Николая. Монфоръ, Русло. Кат. П. и Ан. Ив. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ

въ С.-Петербургѣ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.“
(Анненк. Мат. стр. 20).

Къ счастію для Пушкина, и въ такой неблаго-приятной домашней средѣ нашлись образовательныя средства, помогавшія не только пробужденію и первоначальному развитію его поэтическаго дарованія, но и обращенію его отъ окружавшей его иноземщины къ русскимъ народнымъ началамъ.

Прислушиваясь дома къ французскимъ каламбурамъ и стихамъ, онъ замѣчалъ гармонію, игру звуковъ и красоту стихотворной формы, а замѣчая впечатлѣніе, производимое ими, начиналъ придавать имъ значеніе. При этомъ ему приходилось отмѣчать имена, мысли и поэтическіе образы тогдашнихъ модныхъ писателей; въ его воображеніи начиналось движеніе и работа въ томъ же направленіи; его мысли начинали складываться въ ту же форму, съ той же гармоніей и игрой звуковъ, начинались собственные опыты. Возбужденное воображеніе заставило его пробраться тайкомъ въ отцовскую библіотеку съ ея коллекціей французскихъ писателей, и между ними онъ, разумѣется, отыскалъ прежде всего авторовъ съ извѣстными уже ему именами. Постепенно развивавшаяся страсть къ чтенію надолго нашла себѣ здѣсь обильную пищу, и эта пища, жадно и безпорядочно поглощаемая даже въ бессонныя ночи, съ одной стороны, безъ сомнѣнія, сильно дѣйствовала на возбужденіе и первоначальное развитіе его поэтическаго дарованія и сообщала ему то направленіе, которое и выразилось въ его первоначальныхъ опытахъ, какъ и слѣдовало ожидать, на французскомъ языкѣ, а затѣмъ и въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, съ другой, особенно въ доступныхъ произведеніяхъ Вольтера и позднѣйшихъ французскихъ писателей съ чувственнымъ направленіемъ, должна была вредно

дѣйствовать на его страстную природу, и дѣйствительно отразилась на немъ гибельно какъ въ лицейскомъ, такъ и въ послѣдующемъ періодѣ его жизни.

Та же литературная атмосфера, господствовавшая въ семьѣ Пушкина, привлекала къ ней и представителей московской литературы: Карамзина, Жуковского, Дмитріева и другихъ. Не забудемъ, что дядя Пушкина, Василій Львовичъ, авторъ „Опаснаго сосѣда“, былъ присяжнымъ русскимъ литераторомъ. Появленіе ихъ въ семьѣ, сопровождавшееся бесѣдами о движеніи и успѣхахъ русской литературы, обсужденіемъ новыхъ ея явленій, чтеніемъ произведеній самихъ посѣтителей, должно было производить сильное впечатлѣніе на пробужденное уже чтеніемъ поэтическое чувство ребенка и, безъ сомнѣнія, увлекало его къ чтенію ихъ произведеній, что въ свою очередь должно было ослаблять впечатлѣнія, вынесенныя изъ отцовской библіотеки и возбуждать новыя, обращенныя къ русской жизни.

Этому же обращенію много помогала и лѣтняя жизнь въ деревнѣ, сближавшая съ русскимъ народомъ и его поэзіей, и особенно вліяніе его няни. И то и другое исправляло грѣхи домашняго воспитанія и оставляло глубокіе слѣды, которые послѣ оживали и претворялись въ высокіе поэтическіе образы. Известно, что Пушкинъ съ юныхъ лѣтъ и до конца жизни сохранилъ сильное влеченіе къ деревнѣ, что въ ней всегда съ особенною силою прибуждалось его поэтическое творчество, что не задолго до смерти онъ думалъ порвать всѣ связи съ волновавшимъ его обществомъ и поселиться въ ней. Здѣсь, въ этихъ дѣтскихъ деревенскихъ впечатлѣніяхъ, а также въ пѣсняхъ и сказкахъ няни, должно прежде всего искать объясненія его глубокаго постиженія русской природы и русской жизни, нашедшихъ

себѣ наилучшее выраженіе въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

По справедливому, давно установившемуся мнѣнію, едва ли не наибольшую долю добраго вліянія на Пушкина въ смыслѣ обращенія его къ народной жизни имѣла его няня, Арина Родіоновна, прекрасный типъ добраго стараго времени, къ сожалѣнію, уже вырождающійся,—наружно ворчливая и строгая, внутренне добросердечная и безгранично преданная дѣтямъ, чистокровная носительница русскаго народнаго духа съ его неистощимой поэзіей. Старыя няни этого типа имѣли даръ воспитывать дѣтей глубоко русскими людьми, заронять въ ихъ души сѣмена чистой народной стихіи, которыя послѣ, пробившись сквозь облежавшую ихъ тучу иноземщины и всяческой житейской пустоты, рождали полезныхъ, а иногда и великихъ людей на честь и славу роднаго края, а сами онѣ, совершивъ, невѣдомо для себя, свой святой подвигъ, исчезали безслѣдно для памяти народной. Кто сталъ бы говорить объ Аринѣ Родіоновнѣ, если бы самъ ея питомецъ не пропѣлъ ей вѣчную память своимъ вѣчнымъ стихомъ и тѣмъ не воздвигъ ей и всему этому типу русскихъ нянекъ несокрушимый памятникъ? Дѣйствительно, съ первыхъ дней своего поэтическаго творчества и до послѣднихъ Пушкинъ съ необыкновенно живымъ и теплымъ чувствомъ обращался къ своей „голубкѣ вѣрной, подругѣ юности своей“, какъ бы въ признательность ей за свое возрожденіе къ русской жизни, за свою славу, за тѣ впечатлѣнія, которыя легли въ основаніе его душевнаго строя и стали руководящими и въ жизни, и въ поэзіи.

„Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О предести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,

Она, духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить меня,
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
 Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
 Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы...
 Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой съ лазурной высоты...
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сонъ обворожали;
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ.—
 Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
 Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней,—
 И въ вымыслахъ носился юный умъ“. („Сонъ“ 1816 г.).

Десять лѣтъ спустя, онъ увѣковѣчиваетъ свою
 няню въ прелестномъ стихотвореніи „Зимній ве-
 черъ“, вспоминая ея пѣсни, „какъ синица за моремъ
 жила, и какъ дѣвица заводой по утру шла“ и т. д.

Всѣ однако указанныя добрыя вліянія на пер-
 воначальное развитіе Пушкина были случайными,
 вовсе независимыми отъ установленнаго воспита-
 тельнаго порядка, вторгавшимися даже вопреки
 этому порядку, и можно навѣрное сказать, что ру-
 ководители воспитанія и не подозревали ихъ при-
 сутствія.

Не болѣе щедрой и участливой оказалась и
 школа: и здѣсь, сколько можно судить по сохранив-
 шимся свѣдѣніямъ, доброе вліяніе было также слу-
 чайнымъ, дѣйствовавшимъ помимо учебной про-
 граммы. Извѣстно, что Пушкинъ едва не угодилъ
 въ модный тогда с.-петербургскій іезуитскій пан-
 сіонъ, куда родители изъ тогдашняго высшаго об-
 щества охотно отдавали своихъ дѣтей, и гдѣ, конеч-
 но, мы напрасно стали бы искать заботъ о направ-

леніи образованія въ русскихъ интересахъ и цѣляхъ; на послѣднее впрочемъ родители и не разсчитывали, такъ какъ іезуитское воспитаніе въ с.-петербургскомъ пансіонѣ мало чѣмъ отличалось отъ ихъ домашняго. Только неожиданный случай, открытіе какъ разъ къ тому времени тоже аристократическаго учебнаго заведенія „для образованія юношества, предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной“, да совѣты А. И. Тургенева спасли Пушкина отъ іезуитскаго пансіона, который, по пылкости и наклонности къ увлеченіямъ поэта, могъ имѣть на него роковое вліяніе, и гдѣ не спасли бы его немногіе добрые задатки, вынесенные изъ родительскаго дома.

Лицей былъ однимъ изъ модныхъ въ то время учебныхъ заведеній, образецъ котораго заимствовать съ запада и вскорѣ повторенъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицей и Пѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Онъ отличался энциклопедическимъ характеромъ, объясняемымъ отчасти слабостію научной специализаціи въ то время, отчасти упомянутымъ мною назначеніемъ. Въ немъ учили всему по немногу: тутъ было и языкоученіе даже съ философской грамматикой, съ преобладаніемъ, разумѣется, новыхъ языковъ, причемъ и латинскій представлень довольно сильно; и словесность или изящныя письмена съ чтеніемъ литературныхъ образцовъ, русскихъ и иностранныхъ, эстетика, исторія изящныхъ искусствъ, древнихъ и новыхъ, примѣнительно къ Винкельмаву; и всеобщая и русская исторія, даже съ предпочтеніемъ послѣдней исторіи другихъ народовъ; и математическія и физическія науки; и науки нравственныя, куда относились Законъ Божій, основанія логики, ученіе объ устройствѣ гражданскихъ обществъ и о правахъ и обязанностяхъ, отсюда вытекающихъ (энциклопедія права, система права

естественнаго, публичнаго и частнаго, особенно русскаго, уголовнаго, гражданскаго, финансоваго); политическая экономія и статистика; тутъ были и военныя науки — артиллерія, полевая и долговременная, и фортификація (отдѣльная кафедра для военныхъ наукъ была открыта въ 1816 году); наконецъ „изящныя искусства“: чистописаніе, рисованіе, танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, плаваніе, гимнастическія упражненія. Въ такъ называемомъ „Постановленіи о лицеѣ“ сообщено не мало основательныхъ правилъ о способѣ и характерѣ обученія: требовалось напр. „не затемнять ума дѣтей пространными изъясненіями, а возбуждать собственное его дѣйствіе, заботиться не о томъ только, чтобы дать урокъ, но чтобы насадить и воспитать его въ умѣ слушателей“ и т. д.

Не трудно понять, какое подавляющее дѣйствіе должна была производить такая сложная и разнообразная программа на молодыхъ людей 10—17 лѣтъ (курсъ былъ шестилѣтній), при отсутствіи въ ней всякой централизаціи и факультативнаго распределенія наукъ. Такую программу едва ли возможно было выполнить самому счастливому составу преподавателей, т. е. выполнить такъ, чтобы свѣдѣнія усвоены были учениками органически и послужили дѣйствительной подготовкой для ихъ послѣдующей общественной дѣятельности. Необходимо еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ первое время не было точныхъ правилъ о переходѣ учениковъ изъ курса въ курсъ, такъ что оказывался возможнымъ переходъ въ слѣдующій курсъ учениковъ, совсѣмъ неприготовленныхъ къ нему. „Прежде переводъ дѣлался потому только, сказано въ одномъ проектѣ позднѣйшей реформы учебнаго плана, что ученики пробыли въ курсѣ положенные три года, и что оставлять безуспѣшныхъ еще на

три года въ томъ же возрастѣ не было никакой возможности“ (Памятн. книжка Александровскаго лицея 1886 г., стр. 162). По упомянутому проекту прежнія два трехлѣтнія отдѣленія измѣнены на четыре полуторогодовые класса. При такомъ порядкѣ легко понять, какая безпорядочность должна была господствовать въ обученіи, и съ какими познаніями воспитанники могли выходить изъ лицея.

Какъ бы ни былъ однако плохо составленъ учебный планъ, какъ бы ни были неблагоприятны разныя условія для его выполненія, дѣло обученія въ лицей все-таки могло бы давать добрые плоды, если бы исполнители были вполне достойные. Успѣхъ воспитанія и обученія болѣе всего зависитъ отъ достоинства исполнителей: самая лучшая постановка того и другаго, при дурныхъ исполнителяхъ, ведетъ нерѣдко къ плачевнымъ послѣдствіямъ, и наоборотъ — достойные исполнители искупаютъ часто самые тяжкіе грѣхи воспитательнаго и учебнаго плана.

Къ сожалѣнію, по сохранившимся свѣдѣніямъ, лицей въ первое время не обладалъ и составомъ вполне достойныхъ представителей, на что имѣется довольно указаній и въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Одинъ изъ нихъ, профессоръ нравственныхъ наукъ и логики, воспитанникъ педагогическаго института, Куницынъ, съ большимъ дарованіемъ и солидной подготовкой, съ репутаціей ученаго и писателя, положившій прекрасное начало преподаванію и успѣвшій привлечь къ себѣ вниманіе учениковъ, скоро охладѣлъ къ дѣлу и ограничился требованіемъ буквальной выучки записокъ; другой, извѣстный Копанскій, — преподававшій латинскую и русскую словесность, преподаватель вполне достойный, по руководствамъ котораго обучалось нѣсколько поколѣній, успѣвшій замѣтить дарованіе Пушкина и даже принявшійся знакомить

его съ теоріей словесности и классическими произведеніями,—скоро заболѣлъ продолжительною болѣзью, и занятія остановились, а замѣнившій его Галичъ, также извѣстный своими руководствами по теоріи словесности, отличался крайнимъ благодушіемъ и самою неумѣренною снисходительностію, доводившими его до участія въ кутежѣ и пирушкахъ учениковъ (Незеленовъ. „Пушкинъ въ его поэзіи“ стр. 7). Въ одномъ изъ своихъ лицейскихъ стихотвореній, воспѣвавшихъ кутежи, и посвященномъ Галичу, Пушкинъ называетъ его „защитникомъ нѣги и прохладъ, младшимъ братомъ Эпикура“, въ другомъ предлагаетъ ему садиться на тройку злыхъ коней, такъ какъ въ немъ нѣтъ охоты трудиться и т. д. Замѣчаніе Корфа въ его запискахъ, что „Пушкинъ въ лицей рѣшительно ничему не учился“, конечно, заключаетъ въ себѣ большую долю истины. Нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія о такой образовательной обстановкѣ, оттолкнувшей отъ себя Пушкина и лишившей его правильного, систематическаго школьнаго образованія и особенно на классической почвѣ: такое образованіе, возбуждая и питая его любознательность, содѣйствовало бы еще большому расширенію и углубленію его взгляда, не говоря о томъ, что оно спасло бы его отъ увлеченій и крайностей, на которыя затрачивалось такъ много времени и силъ и которыя едва не погубили его. Трудно сказать, что вышло бы изъ Пушкина, если бы онъ прошелъ правильную классическую школу и воспитался на великихъ произведеніяхъ науки, искусства и поэзіи античнаго міра. Ему совсѣмъ не доставало непосредственнаго знакомства съ греческимъ міромъ, о чемъ онъ неоднократно сожалѣлъ въ послѣдствіи, а съ латинскимъ, должно полагать, онъ былъ знакомъ весьма поверхностно, такъ что можно усомниться,

быль-ли онъ въ состояніи читать свободно латинскихъ классиковъ въ подлинникѣ. И Овидій, и Виргилій, и Гораций, и Ювеналь, о которыхъ онъ часто упоминаетъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, едва-ли ему не были извѣстны только во французскихъ переводахъ; вѣдь они упоминаются рядомъ съ Гомеромъ, Анакреономъ, Тассомъ, Аріостомъ, языка которыхъ Пушкинъ совсѣмъ не зналъ; съ Гомеромъ и Плутархомъ онъ, какъ извѣстно, познакомился во французскомъ переводѣ еще въ родительскомъ домѣ. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ не разъ встрѣчаются недружелюбные отзывы о скучной латыни: такъ въ одномъ („Красавицѣ“, 1814 года) онъ изображаетъ сѣдаго геттингенскаго профессора, который, „на старой каѳедрѣ, согнувшись дугой, вперилъ въ латинщину глубокій разумъ свой“, а въ другомъ обращается къ пьяному товарищу со словами: „проснись, лѣнивецъ сонный, ты не подъ каѳедрой сидишь, латынью усыпленный“. Встрѣчающіяся изрѣдка латинскія выраженія въ письмахъ также могутъ возбудить сомнѣнія въ достаточномъ знаніи латинскаго языка *). Въ послѣдствіи, задумавъ приняться за чтеніе Тацита (1826), онъ могъ къ тому предварительно подготовиться основательнымъ изученіемъ латинскаго языка. По воспоминаніямъ товарищей, Пушкинъ въ лицей занимался преимущественно исторіей, но аттестатъ, выданный ему профессоромъ исторіи, Кайдановымъ, не вполне подтверждаетъ эти воспоминанія: „при маломъ прилежаніи, сказано тамъ, оказывается очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать отличнымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи

*) Такъ въ письмѣ къ Катенину отъ 1825 г. онъ приводитъ начало извѣстной оды Горация: „*Neu fugant Posthume, Posthume, labuntur anni*“ вмѣсто: „*heu fugaces*“ etc.

рѣзвъ, но менѣе противу прежняго“. О такомъ же отношеніи къ дѣлу свидѣтельствуешь и аттестатъ, выданный Куницынымъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне непрілеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особенно по части логики“.

Всѣ эти свѣдѣнія несомнѣнно доказываютъ какъ плохое состояніе школы, такъ и плохія занятія въ ней Пушкина, а слѣдовательно и малый запасъ знаній, вынесенныхъ имъ изъ этой школы. Такія послѣдствія школьнаго образованія признавались и біографами его, признавались и имъ самимъ. Въ Онѣгинѣ, учившемся „по немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“, очевидно, должно видѣть самого Пушкина; самъ онъ называетъ свое воспитаніе (въ смыслѣ образованія) проклятымъ: „знаешь-ли мои занятія, пишетъ онъ брату изъ Михайловскаго въ 1824 году, до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего проклятаго воспитанія“. Еще рѣшительнѣе ту-же мысль онъ выражаетъ въ своихъ запискахъ: „въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (Вульфомъ). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы.. выучились танцевать.“

Такое отношеніе къ учебнымъ занятіямъ, при сильномъ дарованіи, очевидно, оставляло Пушкину много свободнаго времени — и эта свобода естественно увлекала страстнаго юношу, какъ и его товарищей, къ тѣмъ излишествахъ и разгулу, которые служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ крайне дурной постановки заведенія и въ воспитательномъ отношеніи. Изображенію этихъ увлеченій

посвящены многія лицейскія стихотворенія, и нѣтъ сомнѣнй, что Пушкинъ выражалъ въ нихъ свое дѣйствительное состоянiе. Отсюда плохія аттестаціи профессоровъ, плохое окончаніе курса, отсюда рѣзкая характеристика его нравственнаго состоянія въ запискахъ Корфа и Энгельгардта, которымъ нельзя не вѣрить. Можно допустить, что Пушкинъ много рисовался въ этихъ увлеченіяхъ, поддѣлываясь къ обществу товарищей и особенно военной кутящей молодежи, принадлежавшей къ высшему обществу, аристократіи, къ которой онъ, какъ извѣстно, всегда имѣлъ большую слабость; можно допустить, что онъ старался своимъ увлеченіемъ въ разгулѣ прикрыть свои занятія стихотворствомъ, не имѣвшимъ никакой цѣны въ политіяхъ того общества, и вообще маскировать свой внутренній міръ, которымъ онъ всегда такъ дорожилъ и который такъ заботливо отъ всѣхъ таилъ (Анненк. Мат. 85); можно объяснять двойственность въ нравѣ Пушкина, его замкнутость, скрытность тѣмъ озлобленіемъ, которое онъ вынесъ изъ семьи, загадочною чертою въ характерѣ великихъ людей представляться иными, чѣмъ каковы они въ дѣйствительности, наконецъ внутренней борьбой противоположныхъ умственныхъ и нравственныхъ началъ и вліяній (Незелеповъ, „Пушкинъ въ его поэзіи“. 11). Но во всѣхъ объясненіяхъ и оправданіяхъ школьныхъ увлеченій Пушкина нельзя упускать изъ вида того, что семья не сумѣла надѣлать его твердыми убѣжденіями, нравственными устоями, почему онъ и не могъ ничего противопоставить дѣйствовавшимъ на него сильнымъ искушеніямъ, а также того, что лицейскій возрастъ поэта—вообще возрастъ увлеченій и крайностей, который суждено пережить каждому; наконецъ нельзя упускать

изъ вида его страстной природы съ сильной дозой африканской крови.

Впрочемъ, и здѣсь, въ школѣ, какъ и въ семьѣ, къ счастью, оказались благоприятныя, хотя и случайныя, обстоятельства, которыя должны были значительно сдерживать увлеченія, пробуждать добрые инстинкты и содѣйствовать развитію тѣхъ счастливыхъ задатковъ, лежавшихъ въ природѣ Пушкина, которые доставили ему и литературную и народную славу.

Къ нимъ должно отнести литературное направленіе, образовавшееся среди самихъ воспитанниковъ, независимо отъ непосредственныхъ руководителей лицейскаго воспитанія и обученія. Это направленіе могло образоваться подъ вліяніемъ современнаго литературнаго движенія, съ Жуковскимъ и Батюшковымъ во главѣ, а также подъ вліяніемъ принесенныхъ въ лицей литературныхъ наклонностей самихъ воспитанниковъ, въ томъ числѣ и Пушкина. Извѣстно, что послѣдними издавались рукописные журналы подъ разными заглавіями. Припомнимъ, что такое же направленіе готовило къ литературной дѣятельности и воспитанниковъ Московскаго Благороднаго пансіона, что непосредственно слѣдовавшій за Пушкинымъ другой нашъ великій писатель, Гоголь, среди столь же неблагоприятной школьной обстановки въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, былъ устройтеlemъ и руководителемъ того же направленія между товарищами, состоя редакторомъ тѣхъ-же рукописныхъ журналовъ. Нельзя не придавать особеннаго значенія этому направленію: оно поддерживало и возбуждало литературныя наклонности, содѣйствовало знакомству съ лучшими литературными явленіями, развитію критическаго взгляда, вкуса и слога и

вообще служило прекрасной подготовительной школой для послѣдующей дѣятельности.

И здѣсь, въ школѣ, личное знакомство съ представителями литературы пришло на помощь Пушкину и должно было умѣрять его увлеченія. Знакомствомъ этимъ онъ обязанъ своимъ лицейскимъ поэтическимъ опытамъ, обращавшимъ на него еще въ то время общее вниманіе. Пушкинъ высоко цѣнилъ одобреніе главныхъ литературныхъ дѣятелей, а личное знакомство съ ними должно было имѣть на него благотворное нравственное вліяніе. Известно, что Жуковский еще въ 1815 году подарилъ ему изданіе своихъ стихотвореній, а по прочтеніи „Руслана и Людмилы“ — портретъ съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя“; что онъ нарочно ѣздилъ въ Царское Село освѣдомляться о его занятіяхъ, прочитывалъ ему свои стихотворенія и даже исправлялъ ихъ по впечатлѣніямъ, какія они произвели на него. Вліяніе Карамзина на Пушкина было всегда сдерживающее, сглаживающее неровности его характера, умѣряющее и направляющее. Оба, и Карамзинъ и Жуковский, были неизмѣнными его руководителями, горячими защитниками, и онъ сохранилъ навсегда глубокую признательность къ нимъ и какое-то теплое родственное чувство:

„Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія
Привѣтливимъ еня вниманіемъ ободрилъ,
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой..
И ты (Жуковский), природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной.“
(Жуковскому, 1817 г.)

Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ онъ неразъ обращается къ Чаадаеву, указывая на благодѣтель-

ное вліяніе его въ тяжелое время юношескихъ увлеченій:

„Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ...
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой,
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ.“

Однако мы должны признать, что всѣ указан-
ныя благопріятныя, случайныя и независимыя отъ
семейной и школьной обстановки вліянія на Пуш-
кина могли производить по истинѣ чудесное дѣй-
ствіе только на надѣленную необыкновенными да-
рами его природу, да и то при непрерывной и уси-
ленной его работѣ надъ самимъ собой. Кому не при-
ходилось жить въ деревнѣ, въ общеніи съ простымъ
народомъ, даже въ мѣстахъ, озаменованныхъ исто-
рическими событіями; кому не приходилось слы-
шать въ дѣтствѣ народныхъ пѣсень и сказокъ,
имѣть вѣнекъ типа Арины Родіоновны; сколько во-
спитанниковъ вышло изъ тѣхъ же, указанныхъ на-
ми, учебныхъ заведеній съ установившимся въ
нихъ литературнымъ направленіемъ; какъ часто
приходилось многимъ встрѣчаться и въ семьѣ, и въ
школѣ съ литературными дѣятелями—и однако всѣ
эти случайныя благопріятныя вліянія или пропада-
ли безслѣдно, или оставляли по себѣ слѣды, не об-
ращавшіе на себя общаго вниманія. Да, дѣло не въ
томъ, что эти добрыя вліянія оказались на лицо въ
воспитательной и образовательной средѣ Пушкина,
хотя они и важны для біографа, для объясненія его
поэтического развитія, а въ томъ, что они дѣйство-
вали именно на Пушкина, и въ томъ еще, что Пуш-
кинъ необыкновенно усиливалъ ихъ дѣйствія не-
устанной работой надъ самимъ собой.

Эта работа началась, какъ мы видѣли, еще въ родительскомъ домѣ страстнымъ чтеніемъ французскихъ писателей, довольно широко, хотя и поверхностно, ознакомившимъ его съ французской литературой. Мнѣніе отца, что сынъ на 11 году зналъ наизусть всю французскую литературу, конечно, должно считать преувеличеннымъ. Преждевременная начитанность, примѣръ отца и дяди, литературное знакомство вызвали ранніе стихотворные опыты. Чтеніе усиливается и разнообразится въ лицѣ, захватывая и классическія, и англійскія, и итальянскія произведенія, конечно, во французскомъ переводѣ, а собственные стихотворные опыты оказываются уже на русскомъ языкѣ, при чемъ сначала отличаются полною подражательностію и не только повѣйшимъ—Жуковскому, Батюшкову, Дмитріеву, но и старѣйшимъ—Державину и Ломоносову, „пѣвцамъ безсмертнымъ, чести и славы россовъ“, по выраженію Пушкина. Для характеристики содержанія пушкинскаго лицейскаго чтенія интересно стихотвореніе „Городокъ“ (1815), въ которомъ онъ рисуетъ свою беззаботную жизнь, вдали отъ тревожной столицы: Въ его библіотекѣ въ порядкѣ стали. Фернейскій злой крикунъ, поэтъ въ поэтахъ первый, Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ, которыхъ любилъ онъ читать „въ часъ утренняго досуга“, съ Державинымъ Гораций и мудрецъ простосердечный Лафонтенъ, Дмитріевъ съ Крыловымъ, Вержье, Парни съ Грекуромъ, Озеровъ съ Расиномъ, Руссо съ Карамзинымъ, Мольеръ съ Фонъ-Визинимъ и Княжвнскимъ, наконецъ тутъ же и грозный литературный критикъ Лагарпъ, надъ которымъ онъ тратитъ время, хотя и не раздѣляетъ его вкуса; на нижней полкѣ оказывается сафьянная тетрадь съ сочиненіями, „презрѣвшими печать“, въ свое время создавшими Пушкину своего рода

славу, далеко незавидную. Крѣпко утвердившаяся литературная склонность умѣла найти себѣ время и среди самых бурныхъ увлеченій, и Пушкинъ еще въ это время ясно сознавалъ, что безъ настойчиваго труда, безъ непрерывной работы надъ самимъ собой не можетъ быть успѣха и въ поэзіи. Въ сохранившихся отрывкахъ изъ записокъ отъ 1815 года, когда ему было всего 16 лѣтъ, находимъ слѣдующую любопытную замѣтку: „Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственнымъ стихотворцемъ“.

Лицейскія стихотворенія, хотя во многомъ и измѣненныя въ послѣдствіи Пушкинымъ, имѣютъ величайшій интересъ для изучающаго послѣдовательное развитіе его поэзіи. Начало ихъ тѣсно примыкаетъ къ старымъ литературнымъ образцамъ: тутъ и парки, и эроты, и фебы и пегасы, и Хлои и Лансы, и цѣвницы и свирѣли, и усиленное лирическое пареніе, напоминающее даже не лучшія оды Державина и Ломоносова, и „се зрю и не се ль Минервы росскій храмъ“, и неумѣренный гиперболизмъ, и обиліе усѣченныхъ формъ, и даже неправильная конструкція; но и въ нихъ уже нерѣдко встрѣчаеи поэтическія черты, въ которыхъ легко прозрѣваете *ex ungue leonem*; къ концу же лицейскаго курса между ними часто оказываются и такія, которыя обнаруживаютъ явные задатки высокой поэзіи, создавшей славу Пушкина: Сонъ, съ портретомъ няни, Разлука, Уныніе, Пробужденіе и др., въ которыхъ изображается какое-то сильное эротическое увлеченіе юноши, Мечтатель, въ которомъ указывается на поэтическое призваніе, предопредѣленное ему съ дѣтства:

„На слабомъ утрѣ двей златыхъ
Цѣвца ты (Муза) осѣнила...
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью“.

„Лицейскія стихотворенія Пушкина, по мнѣнію лучшаго его біографа, полны намековъ, бѣглыхъ линій, тѣней, которыя впоследствии самымъ поэтомъ обращены въ ясныя, полныя и живые образы“.

То же чтеніе и съ тѣмъ же направленіемъ и съ той же страстью, та же работа надъ самимъ собою продолжалась и за порогомъ школы, прерываемая прежними увлеченіями молодости, до 1820 года. На это трехлѣтіе по выходѣ изъ лицея справедливо смотреть, какъ на продолженіе его лицейской жизни и поэзіи. Въ это время появилась и первая его большая поэма, Русланъ и Людмила, надѣлавшая столько тревоги и шума въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ и сосредоточившая въ себѣ всю сумму литературныхъ вліяній на поэтическое развитіе Пушкина.

Въ 1820 году, какъ извѣстно, разразилась великая бѣда надъ нашимъ поэтомъ: за стихи „презрѣшіе печатъ“, сильно распространившіеся въ обществѣ и давно уже обратившіе на себя вниманіе, и особенно за оду „На свободу“, дѣйствительно весьма рѣзкую и совершенно непозволительную въ политическомъ отношеніи, Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга и отправленъ въ южную Россію подѣ наблюденіе и попеченіе Инзова. Такимъ относительно легкимъ наказаніемъ онъ обязанъ единственно горячему заступничеству Карамзина, Жуковского, Тургенева, гр. Каподистрії и директора лицея Энгельгардта. И вотъ онъ на цѣлые четыре года оказался въ Екатеринославѣ, Кишиневѣ, Одессѣ, пока, по особому ходатайству новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова, утвержденному Императоромъ, не былъ водворенъ на жительство въ насѣдственную пушкинскую деревню Михайловское, Псковской губерніи. Кстати, по поводу оды „На свободу“, я замѣчу, что она едва не повліяла на

судьбу другаго нашего великаго поэта, Н. В. Гоголя, воспитывавшагося въ то время въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Въ Нѣжинскомъ институтскомъ архивѣ до сихъ поръ хранится большой картонъ за многими печатями, съ великимъ страхомъ передаваемый отъ одного директора другому. И вскрыль эти печати, въ картонѣ оказалось большое слѣдственное дѣло о вольнодумствѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, распространившемся и между учениками, производившееся въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ (1827—1830) сначала гимназическимъ начальствомъ, а за тѣмъ командированнымъ по Высочайшему повелѣнію членомъ главнаго правленія училищъ, Адеркасомъ. Въ картонѣ оказалась и ода „На свободу“. Къ допросамъ привлекались и ученики, и между ними Кукольникъ и Гоголь. Первый предосудительныя мѣста въ отобранныхъ отъ него запискахъ по естественному праву объяснялъ собственною вставкою изъ разныхъ книгъ, которыя онъ читалъ, приготовляя диссертацию, а Гоголь показалъ, что всѣ свои записки по тому же предмету передалъ Кукольнику. Оба показанія явно направлены къ оправданію любимаго профессора (Бѣлоусова), обвиненнаго по доносу другаго профессора, галичанина, ничтожнаго интригана и ябедника. Дѣло, видимо искусственно раздугое, окончилось тяжкими послѣдствіями для всѣхъ привлеченныхъ къ нему преподавателей: однихъ отрѣшили отъ должности съ воспрещеніемъ принимать вновь на службу, другихъ выслали за-границу, а одинъ посланъ въ Тотъму подъ надзоръ полиціи; двое изъ воспитанниковъ, и между ними Кукольникъ, лишлись права на чинъ при окончаніи курса и аттестата, а Гоголь и другіе избѣгли наказаній.

Всѣми признается, и исполнѣ справедливо, что

ссылка имѣла благотѣльное вліяніе на развитіе поэзіи Пушкина. Насильственно оторванный отъ среды, увлекавшей его въ свою безобразную жизнь, отъ которой, по страстности природы, недостатку силы воли и шаткости нравственныхъ убѣжденій, ему врядъ ли удалось бы оторваться самому, онъ, вдали отъ столичныхъ тревогъ, оставаясь съ самимъ собой, долженъ былъ стрезвиться отъ увлеченій, ясно представить себѣ всю пустоту прежней жизни и поразмыслить о лучшемъ будущемъ. Самая внезапность постигшей бѣды, новая природа, новые люди и нравы, новая обстановка—все должно было глубоко потрясти впечатлительнаго и чуткаго ко всему поэта. Это былъ великій переломъ въ жизни Пушкина, онъ самъ глубоко сознавалъ его и въ слѣдующемъ же году (1821) прекрасно выразилъ въ посланіи къ Чаадаеву:

„Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія,
Враговъ моихъ предаль пріятію забвенья,
И, съѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ;
Ищу вознаградить, въ обѣтіяхъ свободы,
Матерной младости утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“.

Здѣсь я долженъ остановиться. Наблюденіе надъ дальнѣйшимъ развитіемъ поэзіи Пушкина выходитъ за предѣлы моей темы, да оно и будетъ предложено вашему вниманію въ слѣдующемъ чтеніи. Увлеченіе Пушкина на югъ Россіи Байрономъ, „поэтомъ мучительнымъ и милымъ, властителемъ его думъ“, съ сохраненіемъ притомъ соб-

ственной поэтической личности, глубокое изучение Шекспира, Тацита, истории Карамзина, окончательное обращение къ народной поэзіи въ Михайловскомъ, постепенное обращение къ прозѣ и самостоятельному изученію отечественной истории и, наконецъ, блестящее отраженіе всего этого изученія въ его великихъ произведеніяхъ — все это представляетъ высокій, и психологическій и нравственный, интересъ, дающій неистощимый матеріалъ для размышленій и выводовъ. Замѣчу только, что съ самаго переѣзда въ южную Россію въ немъ явно обнаруживается рѣшимость порвать всѣ связи съ прошлымъ, обратиться къ самому себѣ, начинается еще болѣе усиленная работа надъ саморазвитіемъ; матеріалъ чтенія становится все шире и разнообразнѣе, размышленіе надъ чтеніемъ и жизнью все глубже и разностороннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтическіе образы, въ которые облекается его мысль, все свѣтлѣе, свободнѣе и полнѣе. Доказательствомъ рѣшительнаго его обращенія къ самому себѣ съ этого времени служить и то, что онъ, съ выѣзда изъ Петербурга, начинаетъ свои записки, въ которыхъ живо отражалось его ежедневное душевное настроеніе, и по которымъ изо дня въ день можно слѣдить за процессомъ его внутренняго развитія. „Исполненныя замѣтокъ, мыслей, выписокъ изъ иностранныхъ писателей, говоритъ его біографъ, онѣ представляютъ самую вѣрную картину его уединеннаго кабинетнаго труда“. Его черновыя тетради краснорѣчиво доказываютъ, какъ честно и добросовѣстно и съ какою любовію онъ относился къ своему труду и съ какимъ уваженіемъ къ печатному слову. Вотъ почему онъ имѣлъ полное право сказать современнымъ ему литераторамъ: „Мало у насъ писателей, которые бы учились, большая часть только разучиваются“. И этотъ упрекъ еще съ боль-

шею правдою относится къ нашимъ писателямъ прежняго времени: наибольшая ихъ часть не давала себѣ труда непрерывно совершенствовать себя самообразованіемъ, быстро расходовала свой небольшой умственный и нравственный запасъ и затѣмъ или рано покидала литературное поприще, или, повторяя зады, переставала обращать на себя вниманіе. Пушкинъ былъ первый нашъ литераторъ и поэтъ, который, благодаря все усиливавшемуся саморазвитію, съ каждымъ годомъ возрасталъ изъ силы въ силу, можно сказать, на половинѣ пути своего поэтического творчества переросъ современное ему сознаніе, не вмѣщавшее въ себѣ достоинствъ наилучшихъ его поэтическихъ созданій по широтѣ и глубинѣ мысли, по совершенству формы и языка. Только его смерть могла возбудить въ современникахъ вопросъ: что было бы, что-бы онъ могъ дать еще, если бы его жизнь не пресѣклась такъ внезапно, такъ безвременно, такъ нещадно. Онъ первый у насъ далъ литературному труду самостоятельное значеніе, показавъ, что онъ можетъ собою наполнять и обезпечивать жизнь, между тѣмъ какъ до него этотъ трудъ понимали только въ связи съ служебнымъ положеніемъ или независимымъ и безъ него состояніемъ. Онъ первый своими высокими поэтическими созданіями указалъ на жизненное значеніе поэзіи, понимаемой до него какъ роскошь, прихоть, забаву, бездѣлки, какъ прежде и озаглавливались сборники стихотвореній; онъ первый понялъ, что „объективное изображеніе жизни во всей ея полнотѣ составляетъ нравственную обязанность поэта“ (рѣчь Сухомлинова 1881 г.). Еще Бѣлинскій сказалъ: „Придетъ время, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“. Достоевскій

предъпамятникомъ Пушкина сказалъ въ Москвѣ: „не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ; не было бы Пушкина, не опредѣлилась бы, можетъ быть, съ такою непоколебимою силою наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ наше грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ“. И Пушкинъ живо и глубоко сознавалъ такое значеніе поэзіи вообще и своей для русскаго народа и неоднократно выражалъ это сознание въ своихъ произведеніяхъ. Припомнимъ заключительные стихи Пророка (1826 г.):

„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнишь волю моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

Замѣчательно, что еще 16-лѣтнимъ юношей въ одной прекрасной элегіи онъ пророчески указалъ на вѣчное значеніе своей поэзіи:

„Услышать пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ“.

